НЕБЕСА ЖИВОПИСНЫЕ

Леонардо да Винчи. <Портрет госпожи Лизы дель Джокондо>, 1503–1519 гг.
Дерево, масло. Лувр, Париж, Франция

Автор:
Оксана Санжарова

Чем глубже синий цвет, тем сильнее он зовет человека в бесконечность, будит в нем стремление к чистому и, наконец, к сверхъестественному. Синий – это типично небесный цвет.

Василий Кандинский

Помните, как выглядят обычно детские рисунки с пейзажами? Где-то возле земли – линия горизонта, на которой в рядочек встают дома, деревья и люди. У верхнего края листа – полоса синей краски, обозначающая небо. Между ними – пространство белого листа, на котором могут появиться облака или тучи, летящие листья, стая птиц… Так дети обычно рисуют условный воздух между землей и небом. Одна из первых задач педагогов в любой изостудии – рассказать про «мы рисуем все небо»: уговорить юных художников поднять горизонт и опустить синюю полосу неба до самого стыка с землей.

– Но небо же наверху, – говорят на это дети.

– Но воздух же вокруг нас, – отвечает педагог.

– Но его же не видно!

– Но когда его много, то видно!

***

Про художников средневековья искусствоведы иногда мечтательно говорят: «Они видели, как видят дети» – и иногда это правда. Но про «небо до самой земли» они уже кое-что понимали. А вот о том, что его цвет обусловлен протяженностью воздушной толщи, были не в курсе, да и синим его писали не каждый раз, предпочитая сияние золотых райских небес.

Причин тому масса. Некоторые из них не имеют особого отношения к реальному цвету неба, а имеют – к традиции, сложности получения тех или иных красок, политике и моде.

Традиция долго говорила художникам, что синий цвет чем-то нехорош – считается, что это знание пришло из поздней античности. Для римлян синий был цветом варваров – кельтов и германцев, которые, по словам Цезаря и Тацита, раскрашивали тело перед боем синей краской. Овидий писал, что германцы, желая скрыть седину, подкрашивали волосы синим соком вайды (растение семейства крестоцветных), а Плиний Старший утверждал, что жены бриттов красили тела в темно-синий цвет перед ритуальными оргиями. Так что, по мнению римлян, ничего хорошего, кроме смерти, нелепости и разврата, от синего ожидать не стоило. Недостатком считался даже синий или голубой цвет глаз: у мужчин он считался признаком слабости, у женщин – распутства.

Дуччо ди Буонинсенья. ≤Христос и самаритянка≥, 1311–1312 гг. Дерево, темпера. Музей Тиссена-Борнемисы, Мадрид, Испания

Фреска «Сад» из виллы Ливии, I век до н.э. Палаццо Массимо, Рим

При этом ткани в синий цвет римляне окрашивали, обычно для траурных одежд, используя для этого все ту же вайду или индиго (его поставляли спрессованным в брикеты, поэтому римляне считали эту растительную краску минералом).

Встречался синий цвет и в пейзажах, хотя синяя мозаика была редка. И она была скорее серой, сизой и зеленоватой, чем синей и голубой, и использовалась, как правило, для оттенков воды. Небо часто изображалось условно белым (дневное) или почти черным (ночное).

Впрочем, бывали у римлян и удивительно реалистичные голубые небеса – рядом с еще более реалистичными деревьями, цветами и птицами модных комнат-садов.

Мозаика «Гостеприимство Авраама и жертва Исаака», VI век. Базилика Сан-Витале, Равенна, Италия

Мозаичные небеса византийских храмов тоже синими бывали редко, зато жарко сияли золотом. И дело было не в сложности изготовления голубой и синей мозаики, и даже не в унаследованной от римлян нелюбви к синему цвету, а в плохом свете и политике. Оттенки синего при дневном свете смотрелись тускло, при свечах – темнели, зато стеклянная смальта с подложенной золотой фольгой драгоценно переливалась и мерцала, говоря не только о божественном свете, но и о богатстве и могуществе Византии.

Отличный пример одновременного присутствия синих и золотых небес дают интерьеры базилики Сан-Витале с практически реалистичными голубыми и сине-черными «земными небесами» стен и золотыми «райскими» небесами сводов.

***

Но проходит шесть столетий, и синий из цвета сомнительного становится модным и драгоценным.

Возможно, отчасти этому способствовали витражи – цветное стекло живет по иным правилам, чем краски для фресок, алтарей и рукописей. Витражные небеса были не золотыми, а прозрачными, либо синими, и эта сияющая синева была прекрасна.

Основные правила варки цветного стекла были известны многим, но маленькие секреты

мастера передавали только ученикам, поэтому какие-то оттенки готической синевы трудны для повторения и поныне. Такой считается знаменитая «шартрская синева» – светло-кобальтовое стекло действительно сложно воспроизвести.

***

К XIII веку синий цвет из цвета траурного, сомнительного, опасного окончательно превращается в цвет райских небес. Отныне он символизирует истину, божественную силу, чистый разум и святость. В синие одежды облачаются Иисус и Дева Мария, а следовательно, его желает носить и высшая аристократия. Считается, что первым в «небесные» одежды облачился король Франции Людовик IX – первый официально канонизированный святой среди французских королей.

Впрочем, французским королям почитать синий цвет было привычно. Считается, что синее

Афганская лапис-лазурь

Джотто ди Бондоне. Капелла Скровеньи (капелла дель Арена), 1305 г. Падуя, Италия

Пьеро делла Франческа. Урбинский диптих <Портрет Федериго да Монтефельтро и Баттисты Сфорца>, ок. 1465 г. Дерево, темпера. Уффици, Флоренция

поле королевского флага и герба идет от синего плаща Святого Мартина – одного из покровителей Франции.

Королевский герб Франции в XIV веке

«Модный» цвет начали чрезвычайно активно использовать в миниатюрах, алтарях и фресках, хотя средневековых художников это не слишком радовало. Дело в том, что растительные красители, известные в европейской живописи, витражной яркости не давали, а минеральные стоили дорого или очень дорого.

И дороже всего обходился ультрамарин, изготовленный из ляпис-лазури. Еще с VI века по Великому шелковому пути его доставляли в Европу из Афганистана, где его добывали.

Работа с ним была сложна: истертый слишком мелко он утрачивал цвет, слишком крупно – быстро осыпался. Небеса, написанные этой краской, обходились дороже золотых. При заказе картин расходы на нее оговаривались отдельно. Неопытный художник, забывший запросить с клиента оплату ляпис-лазури, рисковал потратить на него весь задаток, а то и большую часть полного гонорара. По некоторым свидетельствам, художники даже пытались уговорить витражистов изображать дьявола синим, чтобы снизить популярность дорогого цвета, но те отказались, так как в своей работе от ляпис-лазури не зависели.

Прекрасным примером тогдашних «чрезвычайно дорогих небес» стали фрески знаменитой капеллы дель Арена.

Частная капелла, построенная купцом Энрико Скровеньи во искупление ростовщичества его отца, испортила жизнь не только соседнему монастырю («уведя» у него часть паломников), но и множеству художников, потому что теперь такие небеса хотел каждый второй заказчик.

При этом никакой попытки «понять небеса» великий реалист Джотто не делает. Его синева не реалистична – это именно роскошный фон, без градаций, без облаков, иногда украшенный золотыми, абсолютно орнаментальными звездами. Можно предположить, учитывая ценность краски и сложность работы с ней, что Джотто больше волновала прочность сцепки ультрамарина со стеной, чем убедительность передачи воздуха.

Конечно, художники пытались упростить себе жизнь, например, используя азурит (немецкую лазурь), но разрешалось им это не всегда, хотя краска из этого минерала была доступнее, дешевле и имела теплый оттенок, более близкий к цвету дневного неба.

***

Для того, чтобы продавить себе возможность писать небеса разнообразно, у художников уйдет еще сто с лишним лет. За это время они освоят облака, светлеющий стык с горизонтом, оттенки рассвета и заката.

Правда, чаще всего этим будут заниматься художники с научным складом ума, такие как Пьеро делла Франческа, начавший интересоваться воздушной перспективой и «обучением живописи у природы» гораздо раньше, чем Леонардо да Винчи.

А потом придет Леонардо, сформулирует: «Существует еще другая перспектива, которую я называю воздушной, ибо вследствие изменения воздуха можно распознать разные расстояния до различных зданий… В этом случае следует изображать воздух несколько плотным. Ты знаешь, что в таком воздухе самые последние предметы, в нем видимые, как, например, горы, вследствие большого количества воздуха, находящегося между твоим глазом и горою, кажутся синими, почти цвета воздуха…» – и покажет, как это нужно делать, «на натуре».

Можно сказать, что с этой голубоватой дымки – сфумато, которой Леонардо окутал пейзаж «Джоконды», начался путь к современному пейзажу.

Но это совсем другая история.

Витраж в соборе Нотр-Дам де Шартр, XII век. Шартр, Франция

БУМЕРАНГ

Автор:
Анна Аксельрод,
врач-кардиолог

– Ну зачем ты заплатил ей? Ведь труба не наша протекла. Эта часть принадлежит домоуправлению. И именно оно должно чинить ее. А получилось так, как будто мы виноваты.

– Понимаешь, кроха… она такая скандальная дама. И так кричала. Я решил, что проще заплатить. Ну и я же мужчина, в конце концов! Расстроил ее…

Дед тогда развел руками и виновато улыбнулся.

Труба была действительно не наша. Но он заплатил, потому что считал, что так правильно. И что так проще для всех.

Я впервые сообщила соседке и в домоуправление, что дед больше не владелец квартиры: он давно подарил ее мне. И попросила больше никогда не беспокоить его, что бы ни протекло и ни сгорело.

Через несколько лет, после того, как дед попал под троллейбус, мне пришлось забрать его. Я отремонтировала квартиру и сдала ее для оплаты сиделок, но через полгода труба не сдюжила снова.

Соседка снизу по имени Людмила Николаевна, которую когда-то расстроил дед, позвонила мне на работу.

– Надеюсь, до суда у нас дело с вами не дойдет?!

В тот же вечер я спустилась вниз в компании с прорабом по имени Валька. Который благородно приехал через полгода, уверяя, что протечка точно не из наших труб.

Людмила Николаевна почти не слушала нас и показывала разводы на потолке.

– Это та же часть трубы, что и раньше, Людмила Николаевна. Просто чуть дальше. Мы все поменяли, это вряд ли наша часть, – старался Валька.

– На этот раз вы тоже должны заплатить! Тем более, что сдали квартиру и обогащаетесь!

– Это, конечно, очень раздражает, – неосторожно и широко улыбнулся Валька.

– Не очень обогащаюсь, – уверенно возразила я, вспоминая грядущую зарплату сиделок, в которую мне регулярно приходилось докладывать деньги из своей зарплаты. – Но если окажется, что все же виноваты мы, то все будет еще проще: квартира застрахована. И получится большая выплата, – старалась договориться я.

Мы с Валькой двинулись к выходу. В тот момент я впервые узнала, что такое выстрел в спину.

– Я желаю вам, чтоб вы сдохли!

Я остановилась и обернулась. Валька замер и присвистнул.

– Что?

– Я желаю вам, чтоб вы сдохли! Вы – меркантильная особа, которая обогащается! Чтоб вы сдохли!

Она горделиво приосанилась.

Я шагнула назад.

Где-то очень далеко маленький чертик в красном свитере привычно кивнул мне и сел в старое кресло.

– Не выйдет ничего, потому что я желаю вам совсем другого. Все, что мы делаем кому-то, всегда возвращается. Я моложе и сильнее вас. Поэтому исполнится именно то, что пожелаю я. А не то, что сказали вы. Я точно знаю, что вы проживете очень долго. Как и я…

Мы вышли из квартиры, и Валька заржал.

– Старая ведьма!

– Да ну, ерунда какая…

– Ну, не знаю. Вы ее красиво, конечно!

***

Прошло много лет, и старая труба держалась, как могла.

Про здоровье Людмилы Николаевны я ничего не знала, потому что с тех пор мы с ней не виделись. Сначала потому, что я там не жила и продолжала сдавать квартиру для оплаты сиделок. А после того, как удалось переехать обратно, Людмила Николаевна перестала гулять, и я перестала видеть ее.

Месяц назад, в день моего юбилея, на Татьяну, внучку Людмилы Николаевны, с потолка полилась вода. Я бросила гостей и впервые за много лет вошла в квартиру снизу.

Коридор почти не изменился. С потолка капало так же, как тогда.

И в моей квартире было по-прежнему сухо.

Татьяна оказалась совсем не похожа на нее.

После нескольких визитов слесарей выяснилось, что на этот раз не сдюжила именно наша часть трубы.

После общения со страховой компанией я не удержалась и спросила Татьяну:

– Мой дед умер, когда ему было почти 103 года. Бабушку вашу я помню хорошо. Сколько лет ей было, когда она умерла?

– Ух ты, молодец какой! Ей было почти 98 лет, через 2 месяца исполнилось. У нас в семье она тоже долгожитель…